

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Богатырь телом и духом. Священномученик Иларион (Троицкий)

В ленинградской тюремной больнице 28 декабря (по н. ст.) 1929 года от сыпного тифа в бреду скончался замечательный профессор-богослов, удивительный проповедник, мужественный и стойкий борец за Церковь Христову, святитель Божий, архиепископ Иларион.

Архиепископ Иларион (Владимир Алексеевич Троицкий) был выдающимся богословом и талантливейшим человеком. Вся жизнь его — сплошное горение величайшей любовью к Церкви Христовой, вплоть до мученической кончины за нее. Вот как писал о владыке Иларионе его союзник по Соловкам — священник Михаил: «Архиепископ Иларион — человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник-оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый: везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью. Большой рост широкая грудь, пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Он останется в памяти у всех, кто встречался с ним. За годы совместного заключения являемся мы свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости. Он просто отдавал все, что имел, что у него просили. Своими вещами он не

интересовался (поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом). Этого человека можно оскорбить, но он на это никогда не ответит и даже, может быть, и не заметит сделанной попытки. Он всегда весел и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро попытается прикрыть это все той же веселостью. Он на все смотрит духовными очами, и все служит ему на пользу духа. На Филимоновой рыболовной тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря мы с архиепископом Иларионом, еще двумя епископами и несколькими священниками, всё заключенными, были сетевязальщиками и рыбаками. <...> Благодушие его простиралось на самую советскую власть, и на нее он мог смотреть незлобивыми очами... Но это благодушие вовсе не было потерей мужества перед богоборческой властью. Еще в Кемском лагере, в преддверии Соловков, захватила нас смерть Ленина. Когда в Москве опускали его в могилу, мы должны были здесь, в лагере, отстоять пять минут в молчании. Владыка Иларион и я лежали рядом на нарах, когда против нас посреди барака стоял строй наших отцов и братьев разного ранга в ожидании торжественного момента. “Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят”, — убеждали нас. Глядя на владыку, и я не вставал. Хватило сил не склонить голову перед таким зверем. Так благополучно и отлежались. А владыка говорил: “Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество”. Любовь его ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто поразительными. Он был самой популярной личностью в лагере, среди всех его слоев.

Мы не говорим, что генерал, офицер, студент

и профессор знали его, разговаривали с ним, находили его или он их, при всем том, что епископов было много и были старейшие и не менее образованные. Его знала “шпана”, уголовщина, преступный мир воров и бандитов именно как хорошего, уважаемого человека, которого нельзя не любить. На работе ли, урывками, или в свободный час его можно было увидеть разгуливающим под руку с каким-нибудь таким “экземпляром из этой среды. Это не было снисхождение к младшему брату и погибшему. Нет. Владыка разговаривал с каждым, как с равным, интересуясь, например, “профессией”, любимым делом каждого. “Шпана” очень горда и чутко самолюбива. Ей нельзя показать пренебрежения безнаказанно. И потому манера владыки была всепобеждающая. Он как друг облагораживал их своим присутствием и вниманием.

Он был заклятый враг лицемерия и всякого “вида благочестия”, совершенно сознательный и прямой. В “артели Троицкого” (так называлась рабочая группа архиепископа Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показывать строгость своего быта не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

В конце лета 1925 года из Соловецкого лагеря архиепископ Иларион вдруг неожиданно был изъят и отправлен в Ярославскую тюрьму. Весною 1926 года архиепископ Иларион опять был с нами. Тюремные новости его касались исключительно его разговоров с агентом власти, вершителем судеб Церкви,

посещавшим его в тюрьме.

Агент склонял архиепископа присоединиться к новому расколу.

— Вас Москва любит, вас Москва ждет...

Но когда владыка остался непреклонен и обнаружил понимание замыслов ГПУ, агент сказал:

— Приятно с умным человеком поговорить... А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года?! Так мало?!

Действительно, к концу первого трехлетия он получил еще три года...

...Призвание ученого он ощутил в себе в дни самого раннего отрочества. Семилетним мальчиком он взял своего трехлетнего младшего брата за руку и повел из родной деревни в город учиться. И когда братишка заплакал, он сказал: "Ну, оставайся неученым"... Их обоих вовремя родители препроводили в монастырь, начиная с духовного училища и кончая семинарией. И он не имел ни по одному предмету оценки ниже

За время своего святительства (с 1920 года) он

не имел и двух лет свободы. До Соловков он был один год в ссылке в городе Архангельске. С патриархом в Москве он поработал не больше полугода. С 20 декабря 1923 года он уже имел приговор в Соловки и прибыл в Кемский лагерь

за неделю до Рождества. Здесь, увидев весь ужас барачной обстановки и лагерную пищу, всегда жизнерадостный и бодрый, сказал: “Отсюда живыми мы не выйдем”. В Соловецком лагере он пробыл шесть лет, но все же живым не вышел из своего заключения».

Бог возжелал иметь этого безупречно чистого человека у Себя святым и взял его к Себе в благопотребное время, предоставляя делать дальнейшие ошибки, грехи и преступления тем, кто на это был способен и ранее.

О последних днях архиепископа Илариона другой священник, бывший вместе с ним в Соловецком лагере, сообщал:

«До самого 1929 года он находился в Соловках. Но вот большевики решили сослать архиепископа Илариона на вечное поселенье в Алма-Ату, в Среднюю Азию.

Владыку повезли этапным порядком — от одной пересылочной тюрьмы до другой. По дороге его обокрали, и в Петербург он прибыл в рубище, кишасшем паразитами, и уже больным. Из Ленинградской тюремной больницы, в которую он был помещен, владыка писал: “Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, в дороге в субботу, 15 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу...”

Когда ему в больнице заявили, что его надо обрить, владыка сказал: “Делайте со мною теперь что хотите”. В бреду говорил: “Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет...”»

28 декабря (по н. ст.) 1929 года владыка Иларион скончался...

Ночью из тюрьмы в простом, наскоро сколоченном гробу тело почившего архиепископа Илариона было выдано для погребения ближайшим родственникам. Когда открыли гроб, никто не узнал владыку, отличавшегося высоким ростом и крепким здоровьем. В гробу лежал жалкий старик, обритый, седой. Одна из родственниц упала в обморок...

Митрополит Серафим (Чичагов) принес свое белое облачение, белую митру. По облачении тело владыки положили в другой, лучший гроб.

Отпевание совершал сам митрополит в сослужении шести архиереев и множества духовенства. Пел хор. Похоронили владыку в питерском Новодевичьем монастыре.

Так отошел в вечность этот богатырь духом и телом, чудесной души человек, наделенный от Господа выдающимися богословскими дарованиями, жизнь свою

положивший за Церковь Христову.

Священномученик Иларион канонизирован 10 мая 1999 года. Его святые мощи почивают в московском Сретенском монастыре, где он был последним настоятелем перед закрытием обители.

*Публикуется по книге «Непознанный мир веры»
М.: изд-во Сретенского монастыря, 2014 г., стр. 143-149*

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27